

С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Героические сказания, характеристика которых на международном материале была сформулирована в 30-е годы прошлого века, можно считать в некотором отношении промежуточным звеном между прозаическими и песенными видами исторического эпоса. К. В. фон Зюдов в не раз потом переизданном труде о категориях народной прозы еще тогда обосновал ряд прочно вошедших ныне в исследовательскую практику терминологических обозначений основных разновидностей прозаического фольклора. Среди описанных Зюдовым — присущая средневековой традиции категория, которую он называл *Heldensagen*. Это претендующие на достоверность эмоционально приподнятые повествования о подвигах реально существовавших героев. Сказание может удаляться от реальности, используя мотивы и художественные средства, заимствованные из произведений иных жанров. При этом события, имевшие место в действительности и послужившие отправным пунктом сказания, приукрашиваются и дополняются плодами народной фантазии. Героическое сказание сосредоточено на моментах, которые способны вызвать подъем чувств у слушателей. Для таких сказаний характерна черта, которую К. В. фон Зюдов обозначил как *gebundene Form*, разумея под этим ритмически или метрически организованную речь. Впрочем, он замечает, что такая форма изложения может чередоваться с обычным прозаическим повествованием; сказание может быть и целиком прозаическим. К. В. фон Зюдов отмечал, что героические сказания — подвижные и не очень долговечные образования: «Они распадаются с утратой их активных носителей, что случается, между прочим, при крупных переворотах в области культуры, и рассыпаются на составные элементы; они могут перерождаться в рассказы-припоминания (*Erinnerungssagen*) или в фабулаты»¹.

Русские сказания данного рода почти полностью ушли из живого репертуара ко времени, когда началось научное собирание устной поэзии. Но достаточно совершенные образцы их представлены текстами, сохранившимися в средневековых рукописях. Академик И. И. Срезневский первым определил, что тексты этого типа — не литературные сочинения, а записи и обработки устных произведений².

Среди доступных изучению текстов героических сказаний большую часть составляют фиксации произведений, объединенных общей темой, но сильно различающихся по времени записи. Тема их — Куликовская битва 1380 г. и ряд связанных с ней событий, а хронология рукописей, содержащих записи, с XV по XIX в. Отображения иных событий дают менее богатый материал по числу записей и по их хронологическому диапазону, а наиболее ранние письменные фиксации в большей степени удалены по времени от исходных фактов. Примером, о котором можно сказать, что богатство устной традиции отвечало исторической весомости отправных событий, является как раз цикл, посвященный разгрому татарского нашествия.

Героические сказания — одна из групп произведений этого цикла, представленного главным образом былинами, а также историческими песнями, духовными стихами, преданиями и даже сказками. Поэтому изучение изобразительных средств самих сказаний в данном случае может производиться (и уже давало ощутимые результаты) при сопоставлении с записями упомянутых жанров.

Отличие же записей героических сказаний от тематически близких произведений средневековой литературы состоит, между прочим, в относительной бедности фактического содержания. Сказание не столько повествует о реальном ходе событий, сколько выражает эмоциональное отношение к ним. Используя общие приемы описания, которые могут быть применены не только к данному историческому факту, но и ко многим аналогичным, героическое сказание самими этими приемами заметно отличается

¹ von Sydow C. W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // C. W. von Sydow. Selected Papers on Folklore. Copenhagen, 1948. P. 78–79.

² Историография вопроса представлена в статье: Азбелев С. Н. Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции. Тула, 2001. С. 79–98.

от повествовательных клише, свойственных литературным воинским повестям. Одно из таких отличий состоит в присущей сказаниям энергичной манере описания битвы. Иногда оно оказывается весьма сжатым, но бывает и развернуто в достаточно эффектную картину, выполненную с несомненным элементом восхищения ожесточенностью боя. Приведу два примера: первый из рукописи краткой редакции Сказания о Задонщине³, второй — из пока не изданного целиком текста Сказания о Мамаевом побоище, содержащего ряд поэтических фрагментов подобного типа:

«Тогда соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреби борзо за Донѣ перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копыя харалужныя, мечи булатныя, топори легкые, щиты московскыя, шеломы нѣмецкые, боданы бесерменскыя. Тогда поля костыми насеяны, кровью полиано»⁴.

«И ступишася велицы полцы, и крѣпко бьющеся. Напрасно⁵ щепляются щиты богатырскыя отъ вострыхъ копеевъ, ломаются рогатины булатныя о злеченыя доспѣхи, льется кровь богатырская по сѣдельцамъ по кованымъ, сверкаютъ сабли булатныя около головъ богатырскихъ, катятся шеломы злеченыя с личинами добрымъ конямъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей с добрыхъ коней на сырую землю и потоптаны быша. Не едины бо русскыя богатыри побьены быша, но да и татарскихъ вдвое. Не токмо оружиемъ бьющеся, но и сами о себе разбивахуся. И подъ трупами мнози живи умираху»⁶.

Второй отрывок (в несколько менее полном виде) приводился в исследовании С. К. Шамбинаго, который рассматривал его как вставку из устнопоэтического текста⁷. Это вызвало возражение Б. Н. Путилова. Последний полагал, что текст сочинен самим книжником, аргументируя следующими доводами: «Картинность, внешняя эффектность, яркость в изображении битвы вообще не в духе русского эпоса, точно так же как не соответствует эпосу и некоторая эмоциональная приподнятость воинских описаний. Напротив, воинские описания в былинах предельно сжаты, даже несколько суховаты и отнюдь не занимают в повествовании решающего места». Автор пишет, что «и в исторических песнях (во всяком случае, старшего периода) трудно найти прямые соответствия»⁸. Оставляя в стороне вопрос о точности высказанных им характеристик, можно, однако, согласиться с Б. Н. Путиловым в том, что прямые аналогии приведенному отрывку в русских былинах и старших исторических песнях отыскать трудно. Но очевидно, что этими жанрами не исчерпывались разновидности устного творчества средневековой Руси, содержавшие воинские описания. Следует принять во внимание неизбежные особенности художественных запросов той профессионально-воинской дружинной среды, которая давно исчезла с исторической арены ко времени, когда началось записывание былин и исторических песен.

Аналогии целесообразнее искать не в названных Путиловым жанрах, а в таких произведениях средневековой устной поэзии, которые наиболее непосредственно отражали запросы и настроения именно упомянутого общественного слоя. Можно привлечь тексты, записанные у других европейских народов. Дело здесь не только и даже не столько в том, что татарское иго, сильно ослабив культурные связи Руси с Западной Европой, не уничтожило их, однако, полностью. Более важными представляются два других обстоятельства.

Вследствие принципиального сходства наиболее общих черт военного быта и воинской идеологии на Руси и в других странах средневековой Европы там и тут существовала поэзия собственно воинская, продолжившая у нас традиции, унаследованные от X—XII столетий. А, как известно, в упомянутые века имели место интенсивные контакты населения восточнославянских земель, особенно его верхнего

³ Как показал И. И. Срезневский, термин *Задонщина* в древнерусских текстах является не названием произведения о Куликовской битве, а обозначением самого сражения, происходившего за *Доном*. См.: Срезневский И. И. *Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Андреевича* // ИОРЯС. СПб., 1858. Т. VI. Вып. 5; Срезневский И. И. Несколько дополнительных замечаний к *Слову о Задонщине* // ИОРЯС. СПб., 1858. Т. VII.

⁴ Цит. по: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 549.

⁵ Здесь: *внезапно* (см.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.*, 1983. Вып. 10. С. 192).

⁶ ГИМ. Собр. Уварова. № 802. Л. 205 об. Текст по другому списку см. в: *Памятники Куликовского цикла*. СПб., 1998. С. 245.

⁷ См.: Шамбинаго С. *Повести о Мамаевом побоище*. СПб., 1906. С. 302.

⁸ Путилов Б. Н. *Куликовская битва в фольклоре* // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 124.

социального слоя, с выходцами из Западной Европы — преимущественно из Прибалтики и скандинавского Севера. Для конца XIV в. это явление было уже достаточно далеким прошлым. Но порожденные ордынским игом суровые условия общественной жизни должны были способствовать сохранению воинской поэзии такого же типа, какой ранее получал достаточно своеобразное воплощение в творчестве скальдов.

Я далек от мысли искать в поэтическом наследии средневековой Руси кеннинги, аллитерационный стих, дротткветную строфу и прочие черты, составляющие формальные признаки скальдической поэзии. Такого рода особенности, в значительной мере связанные неразрывно с самим строем языка, вряд ли вообще могут иметь прямые соответствия в поэзии другого народа, принадлежащего к иной языковой группе. Существенна не степень формального сходства или различия, а доказуемая конкретно степень реальной близости — если позволительно так выразиться — эмоционально-содержательной.

Производились не раз типологические сопоставления некоторых черт поэзии скальдов и аналогов в устном творчестве ирландских бардов. М. И. Стеблин-Каменский писал по данному поводу, что нужно не сходство объяснить результатом влияния, а, напротив, влияние рассматривать как результат стадийного сходства, которое «вытекает из факта социальной обусловленности литературных явлений»; он замечал вместе с тем, что «сходство это не исключало и существенных различий, из которых с точки зрения теории литературного развития наиболее существенным представляется большая застойность ирландской культуры по сравнению со скандинавской»⁹.

В культуре Руси после ордынского завоевания произошло, как известно, даже некоторое опрощение ряда достижений X—XII столетий. По отношению к ней правомерно говорить и об элементах застойности, вызванных условиями ига и его последствиями. Неудивительно, что русские тексты, поддающиеся типологическим сопоставлениям и с прозаическими сагами, и с наследием скальдов, присутствуют в записях, осуществлявшихся позднее письменной фиксации саг и текстов скальдической поэзии.

Естественным оказывается, например, странный лишь на первый взгляд факт, что имя рязанца Софония как автора поэтического текста оказалось закреплено и в позднейшей редакции Сказания о Задонщине, и в ряде разновидностей Сказания о Мамаевом побоище. То обстоятельство, что авторство Софония сохранялось, по-видимому, именно *устной* традицией XV—XVI в., имеет прямую аналогию в устной поэзии скальдов, где осознанное и сохранявшееся традицией личное авторство — одно из наиболее заметных отличий от эпических песен, аналогичных былинам. Включение скальдических строф в прозаические саги, присущее довольно многим из них, имеет типологические параллели в записях Сказания о Мамаевом побоище, где встречаются и фрагменты из текста Софония, и поэтические пассажи того же типа, не имеющие в нем соответствий.

Чередование прозаических текстов с поэтическими включениями было характерно как для скандинавских саг, так и для бытующих до сих пор дастанов тюркских народов, к которым принадлежали в X—XII столетиях тогдашние кочевники южнорусских степей. Хорошо известно, что русские контактировали с ними не только на полях сражений, о чем в особенности свидетельствуют династические браки.

Выяснение межжанровых связей и типологических параллелей при исследовании героических сказаний Средневековой Руси целесообразно увязывать с изучением их поэтики, особенности которой таким путем легче могут быть выяснены. Существенно упомянутое уже принципиальное тождество наиболее общих черт военного быта и воинской идеологии в странах средневековой Европы. На этом фоне принципиально уместными могли бы быть типологические сопоставления даже с рыцарской поэзией, несмотря на все различия между психологией, например, провансальских труверов и певцов княжеских дружин Руси. Однако исключительная трудность исторических условий, в которые попала Русь после нашествия Батыева, естественно, должна была воспрепятствовать существованию у нас общественной атмосферы, подобной той, которая способствовала развитию куртуазной поэзии на Западе. Но продолжала существовать поэзия собственно воинская, сохранившая традиции, унаследованные от Киевской Руси.

⁹ Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Т. III. С. 194.

Второе важное обстоятельство составляет одна из особенностей формирования самого Киевского государства и его культуры. Процесс этот, как известно, протекал в условиях общения славянского населения русских земель — особенно его верхних социальных слоев — с выходцами со скандинавского Севера. Последние играли заметную роль в окружении киевских князей и составляли часть их дружин на протяжении, по меньшей мере, полутора столетий¹⁰. Для конца XIV в. столь тесное общение со скандинавами было уже достаточно далеким прошлым. Но наследие его в области воинского быта, несомненно, еще существовало и должно было способствовать сохранению воинской поэзии прежнего типа.

В изучении текстов, относящихся к рассматриваемому здесь циклу, поисков соответствий поэзии скальдов, насколько мне известно, не предпринималось. Попытки такого рода осуществлялись неоднократно исследователями «Слова о полку Игореве»¹¹. Согласно заключению Д. М. Шарыпкина, не так давно рассмотревшего «Слово о полку Игореве» специально под этим углом зрения, «творчество Бояна в стадийно-типологическом отношении находится в средстве с поэзией скальдов», о чем «можно судить по тексту “Слова”»¹².

Ошибочно было бы полагать, что некогда на Руси существовало нечто тождественное скальдической поэзии (по крайней мере, подтверждающих это русских текстов нет). Но, по-видимому, существовал сопоставимый с ней тип устной художественной культуры. Существовала поэзия, по-своему представлявшая тот этап на пути развития художественного сознания, который был выражен в творчестве скальдов.

Возвращаясь к приведенным выше отрывкам, можно сказать, что в этом отношении они близки не столько к былинам и историческим песням, сколько именно к произведениям скальдов. Правда, упомянутый языковой барьер и исключительная сложность художественной системы скальдов, делающая их поэзию почти непереводаемой в точном подстрочнике¹³, принуждает обращаться для сопоставлений к переводам-пересказам. Но один пример я позволю себе все же здесь привести.

«В руке конунга меч рубил железное вооружение, как будто рассекал потоки воды; свистя сшибались между собой мечи; щиты разлетались в куски; секиры звучали по черепам воинов. И блистая, летали секиры; под их стальным острием рассыпался также и череп норманнов; битва завязалась на острове; блестящий, щит конунгов струился кровью бойцов. Мечи воспламенялись в кровавых ранах, на копьях летала смерть; клинок прокладывал себе дорогу сквозь тысячи щитов; град стрел обрушился на Стортском поле. И были собраны покрытые кровью щиты с золотыми кольцами; кровь лилась по полю битвы, шумя подобно грозному потоку; воины падали целыми рядами, скошенные мечом»¹⁴.

Аналогичного рода описания в русских героических сказаниях, как можно думать, были довольно обычны. Приведу еще два примера из русских текстов (пространной редакции Сказания о Задонщине и «печатного варианта» Сказания о Мамаевом побоище):

¹⁰ Естественно, что при тесном общении не обошлось и без прямых взаимных влияний в области устного творчества соприкасавшихся народов. Примеры этого рода, относящиеся к скандинавским сагам, рассматривались в ряде работ. Исследуя один из подобных примеров, А. Н. Веселовский высказывал предположение, что, вероятно, «варяги занесли к нам элементы нашего дружинного эпоса». См.: *Веселовский А. Н.* Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и saga о Рагнаре Лодброкке // ЖМНП. 1871. Ч. 154. С. 140.

¹¹ Сводку мнений по данному вопросу см.: *Schlauch M.* Scandinavian Influence on the Slovo? // *Russian Epic Studies*. Edited by R. Jakobson and E. J. Simmons. (Memoires of the American Folklore Society, vol. 42). Philadelphia, 1949. P. 99–124.

¹² *Шарыпкин Д. М.* Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРА. Л., 1976. Т. 31. С. 16.

¹³ Опубликованные не так давно переводы С. В. Петрова представляют собой попытку передать на русском языке стихи скальдов с соблюдением размера подлинника, что не могло не отразиться негативно на адекватности передачи их содержания (см.: *Поэзия скальдов* / Изд. подгот. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1979).

¹⁴ Перевод А. Н. Чудинова. Цит. по: Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей. Воронеж, 1875. С. 73–74. Текст оригинала: «Sva beit þa sverð / or siklings hendi / váþir vafadar / sem i vatn brygdi / brokodo broddar / brotnodo scildir / glumrodo glymringar / i gotna hausom. / Traudduz taurgvr / fyr tys ok bauga / hialta hardfotum / hausar nordmanna / roma vard i eyio / rudo konungar / scirar scialdborgir / i scatna blodi. / Bruno beneldar / i blodgom undom / luto langbarþar / at lyþa fiþrvi / svaradi sár gymir / a sverþa nesi / fell flod fleina / i fioro stordar. / Blenduz vip rodnar / und randar himni / scauglar vedr léko / við scys vm bauga / umdo oddlár / i oþins vedri / hneig mart manna / fyr mækis straumi». Цит. по: *Den norsk-islandske skjaldedigtning udg. af Kommissionen for det Arnamagnæanske Legat ved Finnur Jónsson.* A. Tekst efter håndskrifterne. Bd. I. København og Kristiania, 1912. S. 65–66.

«И нукнувъ князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновские <...>, трупу человечью борзъ конь не может скочити, въ крови по колѣно бродят»¹⁵.

«И крепко ступишася: треснуша копия харалужная, звѣнять доспѣхи злаченныя, стучать щиты черленья, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя; и много напрасно¹⁶ бьющеся, не токмо оружием биющеся, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами умираху; от великия тѣсноты задыхахуся, яко немощно бѣ вмѣститися им на полѣ Куликове. Между Дономъ и Мечею сильни полки съступишася, из нихъ же вытекають крововые рѣчьи и трепетали силнии молнии ото блистания мечнаго и от саблей булатныхъ»¹⁷.

Так как приведенные образцы отражены средневековыми записями, трудно, конечно, ручаться за абсолютную точность в не связанной строгим размером передаче русских устных оригиналов. Но, допуская вероятность некоторой порчи при записи и дальнейшем переписывании, нельзя не признать, что и в дошедшем до нас виде эти картины выполнены достаточно впечатляюще. Настолько, что выдерживают сравнение с литературным переводом скальдических строф, воспроизведенным выше.

Сопоставления древнерусских героических сказаний с иноязычными жанровыми аналогами должны быть, разумеется, расширены. Они могут дать и более интересные результаты. Целесообразно провести такую работу с учетом материала не только скандинавского и не только европейского. Это может помочь дальнейшему выяснению закономерностей, общих для средневековой устной поэзии. М. И. Стеблин-Каменский указывал на типовые аналоги произведениям скальдов в дописьменной ирландской, арабской доисламской и в персидской средневековой поэзии (а отдельные элементы скальдического отношения к форме и содержанию усматривал и в западной средневековой литературе)¹⁸.

Устная поэзия русского Средневековья в ее фиксированных образцах сохранила примеры жанровых соответствий основным типам поэзии скальдов. Среди записей русских исторических песен есть песни-прославления, погребальные оплакивания и хулильные песни в адрес врагов — помимо многочисленных хроникальных отражений свершавшихся исторических фактов. Соотносимость материалов данного рода с их содержательными аналогами в поэзии скальдов была конкретно оговорена недавним изданием русских исторических песен в серии «Библиотека русского фольклора»¹⁹. Героические сказания, будучи, в сущности, промежуточной формой между песенным и прозаическим выражением заключенного в них содержания, тематически примыкают ко всем названным выше разновидностям этой поэзии. Но в основном они, конечно, близки песням-прославлениям, а в прозаических своих частях — произведениям хроникальным.

В период расцвета героических сказаний им была свойственна весьма разработанная поэтическая система. А. И. Никифоров, исследуя устную природу «Слова о полку Игореве», убедительно показал на множестве примеров, что его поэтические приемы имеют массу параллелей в жанрах восточнославянского фольклора, зафиксированных записями Нового времени²⁰. Это удастся конкретно проследить и в отношении всех списков Сказания о Задонщине²¹. Однако как целостная система такие приемы не присутствуют ни в одном из бытовавших в Новое время жанров устной поэзии. Сами же параллели указывают, по-видимому, на то, что многие из них не только влияли сами, но и испытывали на себе воздействие высокоразвитой поэтики героических сказаний.

¹⁵ Цит. по: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 544.

¹⁶ Здесь: *сильно, жестоко* (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. С. 193).

¹⁷ Цит. по: Русский исторический сборник. М., 1838. Т. III. Кн. 1. С. 55–56.

¹⁸ См.: Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л., 1978. С. 97–100.

¹⁹ См.: Исторические песни / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и комментарии С. Н. Азбелева. М., 2001. С. 8–12, 14–16 и др.

²⁰ См.: Никифоров А. И. «Слово о полку Игореве» — былина XII века // Рукописный отдел ИРЛИ. Разряд V. Коллекция 120. Папки 1–4. Л., 1940.

²¹ См.: Азбелев С. Н. Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976. С. 163–190; Азбелев С. Н. Редкая разновидность русских источников // *Rossica antiqua*. Т. II (в печати).

Лучшие образцы таких сказаний представляли собой произведения большой поэтической изощренности. Этот жанр требовал высокой профессиональной культуры. Произведения его должны были создаваться и исполняться мастерами, находившимися, если можно так выразиться, на самых верхних ступенях квалификации носителей устной художественной традиции.

Поэзия скальдов, как известно, давала пример того, что устная традиция в Средние века могла достигать даже более высокой степени разработки поэтического мастерства, чем современная ей письменная литература этого же народа²². Отражения устных героических сказаний в древнерусской письменности дают основания полагать, что эти сказания имели несколько жанровых разновидностей, которые смогут быть охарактеризованы при дальнейшем изучении текстов, сохранных средневековыми рукописями.

Повесть, которую в науке принято теперь называть «Сказание о Мамаевом побоище», в основе имеет произведение, долго бытовавшее в устной традиции подобно скандинавским сагам. Оно продолжало эволюционировать в устной передаче и после того, как было записано. Устные варианты оказывали воздействие на последующие разновидности литературной Повести, созданной на материале зафиксированного письменно устного Сказания. Запись его была литературно обработана, очевидно, или в самом Троице-Сергиевом монастыре, или автором, ранее принадлежавшим к его инокам²³.

А. А. Шахматов был прав, полагая, что общий источник Летописной повести о Куликовской битве и Сказания о Мамаевом побоище следует связывать, прежде всего, с военно-служилой средой, окружавшей князя Владимира Андреевича Серпуховского и князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, с которыми первый был связан «не только родством, но, по-видимому, и дружбой»²⁴. Этот общий источник долго являлся достоянием устной традиции. Первоначальный вид его — обстоятельный рассказ близкого к Дмитрию Ольгердовичу участника Куликовской битвы — будучи записан, в 1386 г. лег в основу Летописной повести²⁵. Не приходится сомневаться, что само устное повествование талантливого рассказчика пересказывалось многократно, переходя из уст в уста, обогащаясь дополнительными подробностями из припоминаний других участников событий 1380 г. и насыщаясь поэтическими пассажами, которые сближали его со Сказанием о Задонщине. Развивавшееся таким путем произведение относилось к той разновидности героических сказаний, которая перемежает поэтическую и прозаическую формы повествования. Это и было устное Сказание о Мамаевом побоище.

А. Н. Насонов, изучая Троицкую летопись, попутно суммировал материал, бесспорно свидетельствующий о многолетней и прочной связи Троице-Сергиева монастыря с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и его окружением²⁶. Эти данные позволяют объяснить, почему предание Троицкой обители, отображавшее роль преподобного Сергия Радонежского в событиях 1380 г. и участие иноков Пересвета и Осляби в сражении на Куликовом поле, соединилось с записью устного героического сказания, которое, наряду с великим князем Дмитрием Ивановичем, прославляло его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Представления переписчиков о соединении разнородных источников отражены в заглавиях ряда рукописей Повести, например, в списке Р. Ф. Тимковского: «Поведание и Сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго»²⁷.

Название главного устного источника письменной компиляции — «Сказание о Мамаевом побоище» — давно перекочевало из средневековых рукописей в исследовательскую литературу, неоправданно

²² См.: Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов. С. 175–204; Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов. С. 77–130.

²³ Обоснование связи составления Повести с Троицким монастырем см. в работе: Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище // Избранные труды. М., 2001. Т. II. С. 333–348.

²⁴ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 181.

²⁵ См.: Азбелев С. Н. К вопросу об устном оригинале Летописной повести о Куликовской битве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 50–79.

²⁶ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 365–368.

²⁷ Русский исторический сборник. М., 1838. Т. III. Кн. 1. С. 1.

превратившись в научное название всей повести. Повесть о Мамаевом побоище, в отличие от Летописной повести о Куликовской битве, дошла, как известно, в многочисленных списках, представляющих ряд редакций, изводов и видов. Считаю верной неоднократно высказывавшуюся разными исследователями мысль, что не существует списка, который точно передавал бы первоначальный авторский текст этой Повести о Мамаевом побоище. Восстановление ее архетипа — задача будущего. Но можно попытаться определить, какая из разновидностей Повести в целом лучше отразила ее первоначальный текст.

Есть достаточные основания признать этой разновидностью тот извод основной редакции Повести, который довольно неудачно именуют обычно «печатной группой» списков — с легкой руки С. К. Шамбинаго (в его время другие разновидности Повести не были еще напечатаны)²⁸. Главное отличие данного извода от остальных — это обилие именно здесь пассажей, в которых особенно ярко видна близость к героическим сказаниям устной поэзии. Значительная часть этих фрагментов текстуально близка Сказанию о Задонщине, хотя они не могут быть возведены к протографу какого-либо из сохранившихся ее списков. Самостоятельные текстуальные вставки такого рода есть и в некоторых списках Повести, не относящихся к этому изводу (другие подобные их фрагменты, в сущности, повторяют, но стилистически несколько сглаживают, подгоняя под остальной текст, большинство соответствующих мест этого извода). Но в них инородный характер дополнительных вставок обычно ясно виден, встречаются даже ремарки писцов, указывающие на вставку. Однако в той разновидности текстов, которую С. К. Шамбинаго именовал «печатной группой» и которую я предлагаю условно называть первоначальным изводом Основной редакции, все такие пассажи в тексте достаточно органичны (причем нередко — и более пространны), а по количеству их больше, чем в любой из остальных разновидностей Повести.

Естественно, что поэзия подобного рода с изменением породивших ее исторических условий должна была постепенно угаснуть. Однако уход из живого устного репертуара героических сказаний был обусловлен, по-видимому, не только историческими переменами и исчезновением той социальной среды, потребности которой обслуживал этот жанр в первую очередь. Поскольку сюжет героического сказания должен был следовать контурам своей фактической основы, композиционные возможности были сравнительно невелики. Занимательность повествования неизбежно должна была отступать на задний план. Эпическая гиперболизация, столь органичная в былинах и также способствовавшая интересу к ним, мало свойственна героическому сказанию и обнаруживается более всего в самих поздних вариантах, испытавших на себе влияние былинной поэтики. Собственная же поэтика сказаний, в силу своей изощренности, далеко не в каждой аудитории могла быть полностью оценена и далеко не каждым исполнителем могла быть адекватно передана.

Сложности художественной системы героического сказания сопутствовала ограниченность таких его внутренних возможностей, которые обеспечивали бы сохранность произведения в устном репертуаре после утраты им исторической актуальности. Этим, очевидно, во многом объясняется относительная недолговечность произведений данного жанра. Героические сказания постепенно уступили место историческим песням с их менее сложными изобразительными средствами, более простой композицией и легче фиксируемой в памяти песенной формой. Впрочем, позднейшие отголоски этих сказаний были засвидетельствованы редкими отдельными записями, которые удалось еще сделать некоторым собирателям XIX столетия.

Подъем национального самосознания, вызванный во всех слоях русского общества победой на Куликовом поле, породил особенно мощную волну героических сказаний, многочисленные следы которой дошли до нас в виде записей и их литературных обработок в письменности XV—XVII в. С. М. Соловьев еще полтора столетия назад писал по поводу Куликовской битвы: «О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных; подробности верные с течением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как

²⁸ См.: Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. С. 268—281. Публикация текста по списку этой группы: Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. Т. III. Кн. 1. С. 1—80.

важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности»²⁹. Уже исследования тогдашних филологов вскоре показали, что «до нас дошли два рода произведений, в основании которых лежит рассказ о Куликовской битве, сказания народные и сказания книжные. Впрочем, — замечал П. Н. Полевой, — как те, так и другие не составляют двух резко отдельных родов, потому что и книжные сказания пополнялись с самого начала чертами произведений народных и народные, поздно записанные, искажались книжными добавлениями»³⁰.

Нам теперь известны не менее семи книжных редакций Повести о Мамаевом побоище, почти каждая из которых уснащена и дополнительными сведениями из устных источников. В позднейших редакциях этой, по выражению О. Ф. Миллера, «сводной повести полуисторической, полуэпической»³¹, такие включения основываются, главным образом, на результатах оговоренного Зюдовым перерождения героических сказаний в рассказы-припоминания и фабулаты.

²⁹ Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1854. Т. IV. С. 366.

³⁰ Полевой П. Опыт сравнительного обозрения памятников народной поэзии германской и славянской. СПб., 1864. Ч. 1. С. 103. Взаимодействие письменной и устной традиции в текстах Повести о Мамаевом побоище было охарактеризовано уже современником Соловьева и Полевого (хотя и не располагавшим большинством известных в наше время рукописных ее вариантов): «...вся повесть получает характер серьезного назидания в христианском духе; ее изложение переходит иногда в величавый тон; витиеватая церковнославянская речь улегается преимущественно в форму периода, не всегда, впрочем, ей удающуюся. Другое характеристическое свойство является развитым в эпическом сказании: это дух боевого мужества, жадного к чести и добродушному славному имени. Этот полный энергии дух ратной удали и молодечества отпечатлевается и в речи бойкой, быстрой, блестящей картинными сравнениями, живьем взятыми из народного эпоса» (Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. 1858, Ч. 99, № 7–8. С. 56–57). Подчеркивая «народно-эпический характер некоторых данных, бывших у автора под рукою», Назаров, однако, замечал: «В каком виде существовали народные предания, вошедшие в историческую часть Поведания, определить невозможно» (Там же. С. 63, 65). Сравнительный материал помогает теперь определять жанровую природу устных источников Повести.

³¹ Миллер О. Ф. История русской литературы. СПб., 1887 (литографированное издание). С. 364.